

И без обмана, что их ровно двести.
Закрыли круг, и клич пошел вдоль строя:
«Свой долг свершите, юные герои!»
Герольды уж не ездят взад-вперед,
Гремит труба, и в бой рожок зовет.
Вот в западной дружине и в восточной
Втыкаются древки в упоры прочно,
Вонзился шип преострый в конский бок,
Тут видно, кто боец и кто ездок.
О толстый щит ломается копье.
Боец под грудью чует острие.
На двадцать футов бьют обломки ввысь...
Вот, серебра светлей, мечи взвились,
Шишак в куски раздроблен и расшит,
Потоком красным грозно кровь бежит.
Здесь кость разбита тяжелой булавою,
А там ворвался витязь в гущу боя.
Споткнулся дюжий конь, что неся вскачь.
Тот под ноги другим летит, как мяч,
А этот на врага идет с древком.
Вот рухнул конь на землю с седоком.
Один пронзен насквозь и взят в полон
И, горемыка, к вехам отведен,
Чтоб ждать конца, как правила гласят;
Другой противной стороною взят.
Бой прерывал владыка не однажды
Для отдыха и утоленья жажды.
Фиванцы оба в этот день нередко
Встречались там, разя друг друга метко;
С коней друг друга сбросили на поле.
Такой тигрицы нет в Галадском доле
(Хоть у нее тигренка отнимите),
Что лютостью равнялась бы Арсите,
Чье сердце распалил ревнивый гнев.
Найдется вряд ли в Бельмарии лев,
Что, голодом иль псами разъярен,
Так крови жаждал бы, как Паламон
Убить врага Арситу жаждал яро.
На шлемы злые рушились удары,
Струею алой кровь текла с бойцов.
Но есть всему предел в конце концов.
Еще не село солнце на покой,
Как царь Эметрий налетел стрелой
На Паламона, что с Арситой бился, -
И в тело глубоко клинок вонзился.
Вмиг двадцатью был схвачен Паламон
И силою за вехи отведен.
На выручку ему Ликург спешит,
Могучий царь, но тут же наземь сбит.
Эметрий сам, хоть слыл за силача,
С коня слетает на длину меча:
То сшиб его до плена Паламон.
Но все напрасно: взят герой в полон.
Ему отвага тут не пособила;
Он должен плен снести: ведь держит сила,